

Новости — наше фирменное блюдо

Век Москва — 1997 — 12 сент. — с. 8

Шла рядовая планерка обычного дня лучшей радиостанции года «Эхо Москвы» (соответствующее свидетельство висит на стене вместе с плакатом «Ударь правильно!» со списком трудных случаев удара). Руководитель информационных программ Алексей Венедиктов добавлял своим сотрудникам адреналина в кровь:

«Так, почему ничего не дали о принятии нового закона об армии. Ну и что, что пять минут назад сообщили. Словом, все сейчас в первую очередь работаем эту новость. Больше всего меня интересуют контрактники и отсрочки. Понятно? Майя, в два часа будет машина, можете ехать за Копперфильдом. Капризничает? Ничего, пусть покапризничает. Дальше. Ходят слухи, что теперь члены правительства должны будут сообщать о своей национальности. Раскопайте что-нибудь. Я представляю, как Черкизов вцепится и бородой затрясет от счастья. Еще. У нас вечером будет беседа о СПИДе. Давайте часов с четырех гнать предварительную информацию. Все понятно?» — и корреспонденты «Эха», разогретые и обласканные своим шефом, разбежались «работать новости», оставив нас наедине.

— Алексей Алексеевич, слово «папарацци» стало сейчас самым модным. Если взглянуть на проблему шире, насколько, по-вашему, журналисты действительно могут быть виноваты в происходящем — будь то Чечня или гибель принцессы Дианы, и где та грань, перед которой они должны остановиться?

— Журналисты всегда виноваты, как любые участники процесса, даже если они не являются непосредственными участниками. Но то, что они рассказывают о процессе и формируют общественное мнение, делает их невольными соучастниками и заложниками любой ситуации. Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется — точнее про журналистов не скажешь. И это проблема, на которую надо закрыть глаза и публиковать то, что каждый журналист считает для себя правильным. И тут мы переходим ко второму вопросу. У каждого журналиста есть свои неписанные правила. Один считает для себя возможным показывать смертную казнь или описывать личную жизнь политических деятелей, а другой — нет. Это зависит от того, как мама воспитала. Но каждый раз это зависит и от конкретной ситуации. Приведу пример. В прошлом году мы первыми сообщили о болезни президента. Мы получили информацию о том, что президент лег в больницу; и стали этот факт проверять. На три дня радиостанция буквально встала — все занимались только этим. Это была наша эксклюзивная информация, доведенная до изыщества, — подкопаться было невозможно. Мы узнали и когда его привезли, и какие проводились обследования.

— Неужели врачи рассказали?

— Ничего не рассказали, но вокруг каждого события собирается огромное количество людей — охранники, санитарки да и те же врачи, просто любопытные, которые видели. Вся сложность состояла в том, чтобы все данные перепроверить. И когда мы все выяснили, встал вопрос — частная ли это жизнь или общественно значимый факт. Я пришел к выводу, что второе, и мы дали эту новость. Больше того, за час до эфира я позвонил Ястржембскому и предупредил, что мы даем такую информацию. Он все опроверг, если вы помните, он сказал, что президент на Валдае. Как потом выяснилось, он был прав — к тому времени, когда мы все перепроверили, президент выписался и уехал на Валдаи. (Кстати, Ястржембский вообще никогда не врет — редкий случай. Он может только о чем-то умолчать). И мы дали наше сообщение с оговоркой о том, что пресс-служба опровергает. Это пример корректной журналистской работы. Но когда мы узнали, что операцию сделали Наине Иосифовне, мы посчитали, что это частная жизнь, и не сообщили. Здесь для меня прошла грань. Хотя какое-нибудь издание могло и посчитать для себя возможным об этом сообщить.

А что касается папарацци, то я считаю, что политические и культурные деятели сознательно выбирают для себя такую жизнь, при которой они живут, как в аквариуме. Вопрос в том, могут ли они повесить занавесочки изнутри, или закоптить стекло, или притвориться не рыбой, а ящерицей. А журналисты будут выполнять свою работу исходя из того, как они ее понимают. И дело не в том, что они получают за это деньги, а в том, что журналы, где публикуются снимки Дианы, расходятся миллионными тиражами, которые не нисились ни одному серьезному изданию. Значит, люди хотят это знать. Потом эти же люди журналистов осуждают.

— А на самом «Эхе» существует какая-то внутренняя цензура или вы доверяете своим журналистам?

— Я встречаюсь с материалами корреспондентов уже из приемника на моем столе. Когда новости идут каждые пятнадцать минут, проверить все физически невозможно за исключением таких сенсаций, как та же болезнь президента. Более того, у моих корреспондентов есть свои источники информации, о которых я не знаю. Как в партизанской тройке — начальник не знает, на кого выходят подчиненные. И когда мне звонят высокопоставленные лица, крича: «Где вы это взяли?», я честно

отвечаю: «Не знаю». Если не поступило опровержение, я им верю.

— По каким критериям вы отдаете предпочтение новостям? Скажем, в один день состоялись похороны Никулина (что интересует каждого) и поездка президента в Самару (важное политическое событие). Все телепрограммы начали с президента, а НТВ — с похорон?

— Я понял. Мы тоже весь день начинали с похорон. Вот если бы президент в Самаре объявил войну Лихтенштейну или распустил Думу, мы начали бы с этого, потому что такое событие коснется всех. А так — просто визит. Вы очень точно подметили, что есть новости, касающиеся всех. Вот, например, сегодня. Можно говорить об избрании вице-спикером 31-летнего Владимира Рыжкова, что

Московский хор, детективный шоумен и просто веселый человек
Матвей Ганапольский
в прямом эфире

само по себе интересно, но принятие закона о воинской обязанности важнее всего. У всех есть братья, сыновья, внуки, и мы будем обсуждать это сегодня весь день.

— Сейчас перед всеми СМИ встал вопрос: что важнее — безопасность журналиста или получение информации, и как все же получать информацию, если отзывать своих журналистов из опасных мест?

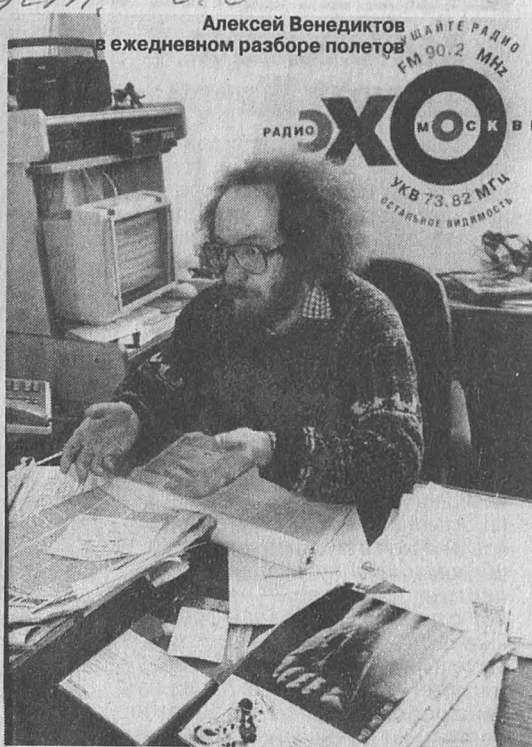
— Мы были первыми, кто свернул свою деятельность в Чечне. Я получил ряд предупреждений от чеченских структур, что начнется охота за журналистами. Я думаю, не я один. Но как поступили другие главные редактора, я не знаю. В Чечню я посылать не буду, пока там нет безопасности для жизни. В Белоруссии, мне кажется, пока опасность для жизни не больше, чем в России. А из тюрьмы мы как-нибудь вытащим.

Что касается информации, то мы получаем ее из агентств и по телефону от тех людей, с которыми мы сотрудничаем. Зачем туда ехать, если я могу позвонить тому же Арсанову, и он даст мне интервью по телефону. Я могу, конечно, поехать, и меня примут на уровне Удугова или Масхадова (я их знаю), но я буду ходить под охраной и все равно ничего не увижу. Если только в отпуск — нервы поколотать.

— Какова будет ваша реакция, если корреспондент будет пропагандировать взгляды той или иной партии?

— Он будет оштрафован на рекламную сумму — за всю жизнь не расплатиться. На «Эхе» работают журналисты разных политических взглядов. По разговорам, в первом туре они голосовали аж за 6 кандидатов. Но за всю историю «Эха» за пропаганду чьих-то взглядов были уволены только 2 человека. Хорошие, кстати, журналисты.

Когда шла предвыборная кампания, все кандидаты получили у нас равное время — я просто с секундомером сидел выверял. У нас можно купить

Алексей Венедиктов
в ежедневном разборе полетов

рекламное время всем (мы коммерческая радиостанция), кроме тех, кто призывает к антиконституционным силовым действиям. Но это четко прозвучит в эфире. А новости — это свято. У нас одна партия пыталась купить программу новостей, но даже наш коммерческий директор, который ищет, где бы копейку лишнюю выжать, отказался. Новости — наше фирменное блюдо. Нельзя же его, как компот, солить вместе с супом.

— Сколько времени вы проводите на работе?

— Смотря что вы называете работой. Я, между прочим, не прервал свою работу, как школьный учитель. У меня восьмые классы. Вчера было четыре урока, завтра будет два. Я до прихода сюда вообще ничего в журналистике не умел и даже радио не слушал — книжки читал. Меня пригласил Сергей Корзун, который эту радиостанцию и придумал, и создал. Был нашим бессменным главным редактором, а теперь делает проект на REN-TV и остается председателем конституционного совета. Он меня сюда привел, а теперь откуда-то за мной следит, а я только башкой туннель дальше пробиваю.

— Что дал вам этот семилетний опыт, и возможно ли было бы создать подобную радиостанцию сегодня?

— Невозможно, и не потому, что другие хуже. Просто тогда люди, которые сейчас стоят у власти и владеют информацией, поколение 40-летних, было более информационно открытым. Я помню, как Чубайс приходил к нам в рваных джинсах, будучи уже вице-премьером правительства, председателем Госкомимущества. Мы были на ты с ним, и с Гайдаром не потому что друзья, а потому что одно поколение. Теперь мы с Чубайсом на вы — оба заматерели, растолстели, и отношения стали более формальными. Но память о тех отношениях сохранилась, и мы действуем по инерции. Сейчас все создать уже невозможно — элита выстроилась, заматерела: пойдите, мол, встаньте на прием. А мне не надо на прием, у меня домашние телефоны есть и Чубайса, и Явлинского, и Уринсона. Я ими, правда, не злоупотребляю: Чубайсу позвонил только два раза — с 40-летием поздравил и в октябре 93-го.

Я разочаровался во многих людях, с которыми эта жизнь начиналась, которые подавали большие надежды. Я вижу, как они мельчают, остаются на обочине, потому что купились на что-то. Я вижу и знаю, как делается политика, и поэтому туда не пошел, хотя меня звали. Это чересчур опасное, тонкое дело, требующее особого мышления.

— Вы не сказали привычного слова — грязное.

— Грязь — слово тоже оценочное. Человек по трупам не пойдет, а если только один труп, тогда как? Это старый вопрос, еще с Достоевского. Потом грязь бывает и целебная, хотя это тоже грязь. А положительный опыт состоит в том, что я все время образываюсь. Я, например, ничего не понимал в экономике. Но меня такие люди образовывали тут — Дубинин, Гайдар, Явлинский, Шмелев, Абалкин. Общаюсь с ними, ты набираешься сам.

Ольга ФУКС
Фото Виктора СМОЛЯНИНОВА.
Концерт «ВМ»